

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОБЩНОСТИ

Ф. Я. Шемякин

10.7256/2222-1972.2013.01.9

Крушение цивилизации майя классического периода: загадка или проявление закономерности?

Аннотация: статья подготовлена на основе работы, признанной лучшей на первом всероссийском конкурсе для старших школьников по теме «История, культура, эпиграфика майя» (объявлен Учебно-научным центром мезоамериканских исследований им. Ю. В. Кнорозова РГГУ в 2011 г.). В ней рассмотрена одна из самых сложных и спорных тем майянистики: загадка упадка цивилизации майя в X в. Критически проанализированы гипотезы, в которых содержались попытки дать решение этой проблемы. Автором сформулирована собственная позиция и обоснован вывод: гибель классического варианта общества майя не означала гибели их цивилизации как таковой; самые глубокие основы цивилизационного строя майя сохранились и после «коллапса» классического периода, и в эпоху испанской конкисты, и в последующие периоды – вплоть до наших дней.

Ключевые слова: история, Мезоамерика, культура майя, языки майя, этнические группы майя, «классический» период, эпоха конкисты, цивилизация, цивилизационная модель, цивилизационная динамика.

В конце 2011 г. Учебно-научный мезоамериканский центр им. Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета объявил всероссийский конкурс для школьников 9–11-го классов на лучшую работу по теме «История, культура, эпиграфика майя». Работы рецензировал и оценивал Оргкомитет. Финансирование обеспечивалось за счет госконтракта, полученного центром от Министерства образования и науки РФ на развитие и продвижение российских исследований в области мезоамериканистики. Тема конкурса и дата выбраны не случайно: в 2012 г. отмечались 60-летие дешифровки иероглифической письменности майя Ю. В. Кнорозовым и 90 лет со дня рождения гениального русского ученого. Наградой победителю должна была стать двухнедельная поездка в Мексику, в университетский Центр Кнорозова в Шкарете, для участия в полевой работе и в съемках документального фильма о майя для каналов «Моя Планета» и «Россия 1».

Работы, разные и по содержанию и по уровню, приславались из Москвы, Ленинградской области (особенно из школы № 3 г. Всеволожска) и других мест. Использование некоторыми претендентами лишь Интернет-ресурсов сыграло с ними злую шутку. Их опыт показал, что сетевой ресурс имеет смысл, только если человек имеет уже информационную базу и сложившуюся систему отбора источников, предпринимает собственные усилия для приобретения знаний. Порадовали работы из региональных школ. В итоге третье место поделили

Александра Адрианова (Московский кадетский корпус «Пансион воспитанниц МО РФ») и Наталья Шарипова («Агалатовская школа»), второе место досталось Артему Селиверстову (школа № 3 Всеволожска) и Наталье Куницыной (школа № 1252 г. Москвы).

Лучшей, безусловно, стала работа Федора Шемякина, ученика 9-го класса московской школы № 1252. Прилетев в Шкарет (Мексика) в июле 2012 г., он своими глазами увидел то, о чем писал в конкурсном сочинении, помогал в съемках фильма «Майя: за два дня до апокалипсиса», который вышел на телеэкраны накануне знаменательной даты – конца 13-го цикла по календарю майя. Как и планировалось при объявлении конкурса, исследовательский проект Ф. Шемякина был подготовлен к публикации.

Мезоамериканский Центр им. Ю. В. Кнорозова в 2012 г. открыл еще одно свое отделение – в Гватемале. И мы надеемся, что появятся новые увлеченные школьники и студенты, которые захотят присоединиться к нашим проектам.

Г. Г. Ершова

О событиях IX в. часто говорят как о «загадке гибели классической цивилизации майя». Но есть ли резон говорить о «загадке», если здесь проявилась какая-то закономерность исторического бытия народов доколумбовой Америки? Нельзя не согласиться со следующим выводом,

сделанным на основе цивилизационного анализа: «В цивилизационном процессе в доколумбовой Америке четко просматривается определенная циклическая динамика, обусловленная изначально сформированным социальным генотипом местных цивилизаций. В целом она вполне адекватно описывается в терминах концепции А. Дж. Тойнби. В истории всех доколумбовых цивилизаций (за исключением последних в этом ряду, сметенных валом конкисты) прослеживаются все те стадии, которые были выделены Тойнби: генезис, рост, надлом, распад в силу тех или иных причин: либо (чаще всего) варварских нашествий, либо в результате внутренних социальных катаклизмов или экологических катастроф, либо как следствие совокупного действия ряда факторов. По завершении каждого цивилизационного цикла наступают, как правило “темные века”, за которыми следует жизненный цикл новой цивилизации, воспроизводящий те же самые этапы и, что самое главное, то же самое цивилизационное качество»¹.

В истории Мексики особенно четко прослеживается смена циклов: от Теотиуакана к тольтекам и от них — к ацтекам.² На первый взгляд, в истории майяской цивилизации наличествует аналогичный цикл: от архаического к доклассическому или формативному (стадии зарождения и первичного оформления), затем — протоклассическому (соответствует стадии окончательного оформления и начала исторического «взлета») и классическому (период расцвета, завершившийся крахом) периоду³. Если же внимательно приглядеться, то мы обнаружим, что майяский цикл «выпадает» из общей картины. Насколько можно судить по имеющимся в настоящее время данным, у «классических» майя невозможно проследить стадию «надлома» цивилизации (по Тойнби): из того, что мы знаем, создается впечатление, что цивилизация майя классического периода «обрушилась» в момент достижения высшей точки исторического подъема. И еще одно обстоятельство: в известных науке текстах майя (тех, которые удалось дешифровать) нет упоминаний о катастрофе IX в., не говоря уже о попытках какой-либо интерпретации этой грандиозной исторической трагедии. По крайней мере, нигде в доступной мне литературе не упоминалось ни

о чем подобном. «Молчат» все виды имеющихся на сегодняшний день письменных источников: и «глиняные книги» майя (надписи на керамике), и надписи на камне, и четыре сохранившихся иероглифических кодекса, Молчат и граффити Тикаля. Молчат тексты постклассического (900–1530) и колониального периодов. Чем можно объяснить подобное полное молчание? Так что загадка действительно существует.

Многие пытались ее разрешить. Наиболее полное изложение существующих на сей счет версий приведено В.И. Гуляевым⁴. Рассмотрим их, начав с наименее убедительных.

Согласно гипотезе землетрясения все города майя были внезапно разрушены огромным по силе землетрясением. Действительно, постоянно повышенная вулканическая активность и землетрясения, повторяющиеся с завидной регулярностью, — одна из отличительных черт природы Центральной Америки, в том числе значительной части зоны обитания майя, которые на протяжении истории не раз испытывали на себе последствия буйства подземной стихии: достаточно вспомнить трагедию Чальчуапы — одного из крупнейших культурных центров горных майя, погибшего из-за исключительного по силе извержения вулкана Илопанго. В результате этого извержения непосредственно перед рубежом нашей эры вся зона Чальчуапы и окружающие районы в радиусе 77 км от вулкана оказались под толстым слоем вулканического пепла, что привело к массовой гибели растений, животных, тех людей, кто не сумел спастись; остальные, по видимому, бежали, поскольку на земле, покрытой слоем пепла, оказалось невозможно ведение хозяйства⁵.

Вот только, если горные районы Сальвадора (на западе которого находится Чальчуапа), Гватемалы и мексиканского Чианпаса находятся в зоне необычайной вулканической активности, то этого никак нельзя сказать о территории Петена (Северная Гватемала), где были сосредоточены крупнейшие города майя. Довод (на котором основана гипотеза) относительно того, что многие памятники архитектуры позднеклассического периода являют собой груды развалин, также представляется неубедительным, поскольку подобное обрушение вполне можно объяснить действием тропических ливней и буйной растительности: «Конституция каменных зданий майя такова, что разрушение нижней части опорных

¹ Цивилизации: теория, история, диалог, будущее: В 2 т. М.: Институт экономических стратегий, 2006. Т. I: Теория и история цивилизаций. С. 574.

² Там же. С. 569–571.

³ Рус А. Народ майя. М., 1986. С. 223–229; Еришова Г. Г. Древняя Америка: полет во времени и в пространстве. Мезоамерика. М., 2002. С. 109.

⁴ Гуляев В. И. Древние майя. Загадки погибшей цивилизации. М., 1983.

⁵ Гуляев В. И. Указ. соч. С. 47–51.

стен приводит к обвалу огромной массы камня, образующей этот высокий ступенчатый свод»⁶.

Еще менее убедительна версия о массовых эпидемиях малярии и желтой лихорадки, якобы приведших к гибели основной части населения пространственного ареала классической майяской цивилизации. Нет данных о том, что названные болезни были известны в Новом Свете до испанской конкисты.

Гипотеза о роли засух имеет под собой более серьезные основания. Правда, В. И. Гуляев отверг предположение, согласно которому «причиной гибели цивилизации майя могло быть катастрофическое уменьшение дождевых осадков и вызванный этим “водный голод”». Ссылаясь на результаты геохимических и ботанических исследований в сельве Петена, он утверждает, «что незначительное сокращение количества дождевых осадков, действительно наблюдавшееся к концу классического периода, никак не могло отразиться на развитии культуры майя, а тем более вызвать ее крах»⁷. Но на этот счет существует и другое мнение. Наиболее подробно его обосновал Дж. Даймонд: «Чтобы разобраться в причинах гибели цивилизации майя, начнем с рассмотрения их природной среды, которую мы представляем себе как “джунгли” или “влажные тропические леса”. Это не так; на самом деле важно понять, почему это не так. Собственно говоря, влажные тропические леса растут в экваториальной зоне с большим количеством осадков, где уровень влажности остается на высоком уровне круглый год. Но земли майя располагаются более чем в тысяче миль от экватора, между 17-й и 22-й параллелями Северного полушария, в зоне, называемой “сезонными тропическими лесами”. Это означает, что, кроме сезона дождей, который длится с мая по октябрь, есть также и сухой сезон — с января по апрель. Если принимать во внимание только влажный период, земли майя можно назвать “сезонными тропическими лесами”, если рассматривать только сухой период, их можно охарактеризовать иначе — как “сезонную пустыню”.

С севера на юг полуострова Юкатан средний уровень осадков возрастает с 18 до 100 дюймов за год, почвы становятся богаче, так что южная часть полуострова более плодородна и может прокормить более многочисленное население. Но уровень осадков здесь непредсказуемо меняется год от года, например, за последние несколько лет дождей выпало в три или четыре раза больше, чем в предыдущие годы. Кроме того, коли-

чество осадков и время их выпадения в течение года трудно предугадать — легко может случиться так, что крестьяне засеют свои поля в ожидании грядущих дождей, но в нужный момент осадки не выпадут. В результате современные фермеры, пытающиеся выращивать маис в стране майя, часто остаются без урожая, особенно на севере. Древние майя, возможно, были более сведущи в земледелии, тем не менее и они часто сталкивались с риском потерять урожай из-за засухи и ураганов.

Хотя в южных областях страны майя выпало больше осадков, чем в северных, проблемы с водой парадоксальным образом были серьезнее на влажном юге. Такое положение дел вызывало трудности не только у проживавших на юге древних майя — это вводит в затруднение и современных археологов, которым трудно понять, почему в древности засухи сказывались сильнее на влажном юге, чем на засушливом севере. Возможным объяснением является уровень залегания подземных грунтовых вод на полуострове Юкатан. Высота поверхности над уровнем моря растет с севера на юг, таким образом оказывается, что на юге поверхность земли намного выше относительно уровня грунтовых вод. На севере полуострова общее поднятие поверхности существенно меньше, и древние майя были в состоянии добраться до подземных вод с помощью так называемых карстовых колодцев, или сенотов, либо глубоких карстовых пещер. В низинах северного побережья, где не было естественных карстовых колодцев, люди могли добраться до грунтовых вод, выкапывая колодцы глубиной до 75 футов. Вода легкодоступна во многих частях Белиза, где протекают реки, например вдоль реки Усумасинте на западе и вокруг нескольких озер в районе Петен на юге. Но значительная часть южных областей расположена слишком высоко над уровнем подземных грунтовых вод, поэтому сеноты до них не достают. Такое положение дел усугубляется тем, что большая часть полуострова Юкатан состоит из карста — пористого, похожего на губку известняка, который мгновенно впитывает дождевую воду, так что на поверхности почти ничего не остается»⁸.

Далее, излагая собственно гипотезу, Даймонд пишет: «В своей наиболее упрощенной форме гипотеза о роли засухи в гибели классической цивилизации майя выглядит следующим образом: около 800 года случилась сильнейшая засуха, которая поразила все государство и вызвала крах всех центров майя одновременно. В действитель-

⁶ Гуляев В. И. Указ. соч. С. 155.

⁷ Там же. С. 155.

⁸ Даймонд Дж. Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие умирают. М., 2010. С. 210–211.

ности... различные центры цивилизации майя гибли в разные моменты времени в промежутке с 760 по 910 г. «Великая засуха» около 800 года в действительности имела четыре пика, и первый из них был не максимальным: два сухих года около 760 года, затем более засушливое десятилетие примерно с 810 по 820 год, три еще более сухих года около 860 года и шесть самых засушливых лет около 910 г.

Крах классического периода сильнее всего поразил низменности на юге страны — вероятно, по двум... причинам: во-первых, это область с наиболее высокой плотностью населения; во-вторых, здесь могли возникнуть самые серьезные проблемы с водой, потому что в этих краях поверхность земли находится настолько высоко над уровнем подземных грунтовых вод, что добраться до воды в случае засухи, используя сены и колодцы, очень трудно. Низменности на юге за время классического коллапса потеряли более 99 процентов населения»⁹.

На первый взгляд, в аргументации Дж. Даймонда нет слабых мест. Но только на первый взгляд. Засухи в стране майя возникали неоднократно «с периодичностью примерно в 208 лет»¹⁰, почему же раньше цивилизация успешно отвечала на «вызов» природы, а в конце VIII–IX в. не смогла ему противостоять? Даймонд объясняет это силой стихийного бедствия: засуха, начавшаяся около 760 г. и достигшая своего пика около 800 г., была самой сильной за последние 7 тысяч лет¹¹. «Во время предыдущих засух на территории страны еще оставались ненаселенные области, и люди из пораженных засухой местностей могли переселиться в другие районы. Однако в рассматриваемый нами период вся территория была заполнена; пригодных для жизни ненаселенных мест, где можно было бы начать все сначала, поблизости не осталось, а немногочисленные оазисы с надежными источниками воды уже не могли вместить население всей страны»¹². Но несколькими страницами ранее (и противореча себе) Даймонд утверждал, что и «великая засуха» с ее четырьмя «пиками» оказала «неоднородное воздействие в разных местах», при этом «некоторые поселения с надежными источниками воды — сенотами, колодцами и озерами — могли уцелеть»¹³.

Вопрос о том, почему достигшая таких интеллектуальных высот и создавшая столь слож-

ную систему приспособления к природной среде цивилизация оказалась неспособна противостоять явлению обычному для этой природной зоны (пусть даже отличавшемуся невиданным ранее размахом), остается открытым. По-видимому, засуха (или засухи, точнее) сыграла свою роль в гибели классической цивилизации. Но, похоже, она лишь усилила действие каких-то иных причин, по которым общество майя оказалось ослабленным, в том числе перед «вызовом» природной среды.

С гипотезой о роли засух тесно связана гипотеза о деградации майяского земледелия. Ее автором был С. Морли, и долгое время она представлялась подавляющему большинству специалистов наиболее убедительной. Основываясь на том бесспорном факте, что майя испокон века использовали подсечно-огневую систему земледелия («мильпа»), требовавшую больших массивов свободной земли и частой смены обрабатываемых после сжигания леса участков в связи с быстрым истощением почвы, Морли сделал вывод: подобная система, нанеся непоправимый ущерб окружающей среде, в конечном счете подорвала материальную основу общества майя — земледелие, вслед за чем рухнуло и все здание цивилизации. Он так представлял себе развитие событий: «Непрерывное уничтожение леса для использования расчищенной площади под посевы кукурузы постепенно превратило джунгли в естественную саванну, покрытую высокой травой. Когда этот процесс закончился и вековой тропический лес был почти целиком сведен и заменен искусственно созданными лугами, то земледелие в том виде, как оно до сих пор практиковалось у древних майя, пришло в упадок, поскольку у них не было никаких земледельческих орудий (мотыг, кирок, борон, заступов, лопат и плугов)».¹⁴

Последний из приведенных Морли доводов имеет особое значение. Дело в том, что единственными сельскохозяйственными орудиями майяского земледельца на протяжении всей истории вплоть до прихода европейцев были каменный топор (металла майя классического периода не знали вообще) и деревянный шест с заостренным концом (по сути, длинная палка-копалка). Вот как описывал процедуру сева у майя Д. де Ланда: «Они сеют во многих местах, чтобы в случае недорода с одного (участка) возместить с другого. Обрабатывая землю, они только собирают сорную траву и сжигают ее перед посевом. Они работают с половины января до апреля и сеют с началом дождей. При посеве они носят ма-

⁹ Даймонд Дж. Коллапс... С. 229–230.

¹⁰ Там же. С. 229.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 233.

¹³ Там же. С. 230.

¹⁴ Цит. по: Гуляев В. И. Указ. соч. С. 157.

ленький мешок ... за плечами, делают отверстия в земле заостренной палкой и кладут туда 5-6 зерен, зарывая их затем той же палкой. Во время дождей (посевы) всходят изумительно»¹⁵.

Цивилизация майя являет собой в данном случае (как и в ряде других) нечто, не имеющее аналогов в мировой истории: чрезвычайно высокий уровень интеллектуального и эстетического развития сочетался (вернее, совершенно не сочетался, но соединялся в рамках единой цивилизационной системы) с крайне низким уровнем развития технологии; в том, что касается последней, майя оставались людьми каменного века. Подобное парадоксальное сочетание не могло не означать глубочайшего дисбаланса цивилизационной конструкции, который мог в течение определенного периода компенсироваться (полностью или частично) необычайно высоким уровнем организации жизненного (и прежде всего производственного) процесса, но в конечном счете не мог не сказаться самым отрицательным образом на устойчивости данной конструкции: столь низкий уровень технологии накладывал жесткие ограничения на способность приспособиться к природной среде (тем более в случае каких-то неожиданных ее изменений), не говоря уже о способности приспособить среду к себе. В силу названных обстоятельств гипотеза Морли заслуживает серьезного внимания. И все же, как выяснилось в ходе исследований во 2-й половине XX в., она объясняла не все, а в некоторых пунктах оказалась ошибочной.

Было опровергнуто предположение о том, что майя исчерпали к рубежу VIII–IX вв. резервы невозделанных земель. Американский археолог А. В. Киддер и др. установили, что почва долин крупных рек (Усумансинты, Улуа, Мотагуа и др.) ежегодно обновляется во время паводков, а значит, эти земли можно было возделывать постоянно. При изучении памятников археологии Петена видный майянист Э. Томпсон заметил, что пустующие поля сразу же зарастают высоким тропическим лесом, а не травами. Так что нарисованная Морли картина повсеместной замены тропического леса травянистыми саваннами — плод его воображения.

В ходе изучения вопроса выяснилось, что подсечно-огневое земледелие у майя не так примитивно, как казалось еще относительно недавно. Обобщая результаты работы ученых США, В. И. Гуляев отмечал: «После снятия одного урожая для восстановления плодородия почвы в Пе-

тене требуется в среднем около 4 лет; после двух-трех урожаев — от 6 до 8 лет. При таких условиях для содержания одного человека необходимо засеять 1,2–1,6 гектара, что дает плотность населения порядка 75–100 человек на один квадратный километр... Земледельцам майя не было нужды периодически менять места своих поселений, поскольку за сравнительно короткий срок почва истощенных участков полностью восстанавливала свое плодородие»¹⁶. Здесь следует сделать оговорку: во влажных тропических лесах Петена восстановление почвы на выжженных участках происходило быстрее, чем на каменистом и сухом Юкатане, где на это требовалось не менее 8–10 лет¹⁷.

Следует учитывать и сам характер древнего майяского земледелия, предполагавшего обработку небольшого лесного участка вручную и неперемное сочетание на одном поле посевов нескольких культур (наиболее часто — маиса и фасоли), что способствовало сохранению плодородия в течение долгого времени. Особенно подробно охарактеризовал специфику земледелия в древней Мезоамерике Н. И. Вавилов¹⁸.

Успехи древнемайяского земледелия были бы невозможны без тщательно разработанного аграрного календаря, строго регламентировавшего сроки и очередность сельскохозяйственных работ. Этот календарь был создан примерно к началу I тыс. н. э. на основании поразительно точных астрономических расчетов представителями интеллектуальной (и одновременно правящей) элиты майя — жрецов. Жреческая корпорация обладала монополией на знания, без которых было бы невозможно поддерживать систему майяского земледелия.

Ключевое значение имело точное установление дня выжигания растительности. Ошибка в расчетах означала срыв полевых работ. Поскольку выжигание проводилось в конце сухого сезона, малейшая задержка могла стать роковой: начались бы тропические ливни (которые льют здесь безостановочно пять-шесть месяцев подряд), которые помешали бы сжиганию деревьев и кустарников. Характеризуя эту сторону жизни майя, Ю. В. Кнорозов писал: «Ученые жрецы постоянно вели метеорологические и астрологические наблюдения, стремясь их увязать, в чем достигали значительных успехов. Создание солнечного календаря дало возможность установить сроки выжигания участков, посева и других ра-

¹⁶ Гуляев В. И. Указ. соч. С. 100.

¹⁷ Там же. С. 99.

¹⁸ Вавилов Н. И. Указ. соч. С. 1496.

¹⁵ Ланда Д. де. Сообщение о делах в Юкатане. 1566 г. М.; Л., 1955. С. 145.

бот и обеспечило успехи земледелия»¹⁹. По его словам, «имевшие строгую иерархию жрецы ... контролировали всю жизнь в государстве ... Жрецы указывали время выступления военных отрядов и купеческих караванов. Они следили за сроками всех работ, в особенности земледельческих, и совершали обряды, связанные с рождением, посвящением, женитьбой и смертью жителей»²⁰; «в древности вся жизнь населения была строго регламентирована, особенно для земледельцев. Распорядок дел был предусмотрен с точностью до дней»²¹. Приведенные слова великого русского ученого — из комментария к переведенным им четырем знаменитым майским иероглифическим рукописям, дающим яркое представление о степени регламентации жизни в древнемайском обществе: она была чрезвычайно высокой.

Как доказал Кнорозов, все четыре сохранившиеся рукописи (Дрезденская, Парижская, Мадридская и Гролье) являются жреческими требниками. «Они содержат подробный перечень обрядов, жертвоприношений и предсказаний, связанных со всеми отраслями хозяйства (земледелие, охота, рыбная ловля, пчеловодство) и касающихся всех слоев населения (жрецы, воины, купцы, ремесленники, земледельцы), кроме рабов. Соответствующие указания даны в виде краткого описания занятий богов. Эти сведения давали основания жрецу совершать обряды, требовать надлежащие жертвы, определять благоприятное время и предсказывать будущее (в основном, конечно, бедствия) всем, от правителей до новорожденных, используя исторические прецеденты и астрологические данные»²².

Хотя рукописи относятся к относительно поздней (незадолго до конкисты) эпохе истории майя, в них входят «разделы, составленные в разное время», причем «наиболее древние относятся к доклассическому периоду»²³. Еще более важно то, что в них нашли отражение какие-то постоянные характеристики общества майя, в том числе жесткая регламентация всех сторон жизни, прежде всего цикла сельскохозяйственных работ, осуществлявшаяся жреческой элитой. Логичным кажется вывод о том, что степень жесткости была максимальной именно в классическую эпоху, когда жречество находилось в зените могущества.

Подсечно-огневая система земледелия, игравшая центральную роль в сельскохозяйственном производстве у майя, сама по себе (несмотря на высокий уровень организации, основанный на глубоких и всесторонних знаниях, — как астрономических, так и метеорологических) вряд ли могла полностью решить проблему продовольственного обеспечения быстро росшего населения городов майя классического периода. Поэтому принципиальное значение имело установление исследователями того факта, что в I тыс. н. э. майя использовали и более интенсивные способы земледелия, — террасы с системой увлажнения почвы в горных зонах и на склонах высоких холмов, каналы (как оросительные, так и отводные, прежде всего в болотистых местностях, главным образом во влажной сельве Петена), «приподнятые поля» (длинные и узкие земляные насыпи, частично затопленные водами рек)²⁴.

Применение интенсивных методов земледелия свидетельствует о том, что цивилизационная система майя до определенного периода была способна гибко реагировать на изменение ситуации (в том числе достаточно быстрое, как в случае с ростом населения). Это означало наличие у нее как значительного интеллектуального потенциала, так и существенного организационного ресурса. В связи с этим вновь встает вопрос: почему эта система оказалась не в состоянии выдержать испытание в конце VIII–IX в.?

В свете сказанного выше гипотезу о том, что единственной (и даже главной) причиной крушения мира «классических» майя стала быстрая деградация майяского земледелия, следует отвергнуть. Определенный ущерб окружающей среде подсечно-огневая система наносила, во всяком случае, в некоторых зонах (например, на склонах холмов в районе Копана), на что делает упор Дж. Даймонд²⁵. Однако масштабы ущерба все же не позволяют говорить об экологической катастрофе, которая могла бы практически «мгновенно» (по крайней мере, если исходить из «большого» времени мировой истории) «выбить» из-под цивилизации ее материальную основу: деградация почв в одних местах компенсировалась быстрым восстановлением плодородия почвы в других и наличием земель, постоянно пригодных для эксплуатации, в долинах рек. Напрашивается единственный логичный вывод: причину классического коллапса следует искать в самой цивилизационной системе, в ее внутренних противоречиях.

¹⁹ Кнорозов Ю. В. Иероглифические рукописи майя. Л., 1975. С. 257.

²⁰ Там же. С. 256.

²¹ Там же. С. 229.

²² Там же. С. 228.

²³ Там же.

²⁴ См., например: Даймонд Дж. Коллапс... С. 213–214; Ламберг-Карловски К., Саблов Дж. Древние цивилизации. Ближний Восток и Мезоамерика. М., 1992. С. 249–250.

²⁵ Даймонд Дж. Коллапс... С. 222–223.

В этой связи нельзя пройти мимо гипотезы социального взрыва, ставшего ответом на непомерную тяжесть социального гнета (автор гипотезы — Э. Томпсон, в числе известных сторонников — А. Рус, М. Галич и др.)²⁶. Наиболее четкое объяснение данной позиции находим у А. Руса, выделившего два фактора: «1. В течение IX в. прекратилась всякая культурная деятельность, то есть строительство церемониальных центров и возведение пирамид, храмов, дворцов, комплексов для игры в мяч и остальных построек, предназначенных для обрядов или обитания; прекратилось также установление стел и других монументов с календарными отметками, иероглифическими надписями и изображениями важных персонажей, а также производство орнаментированной керамики и предметов из нефрита, то есть всего имеющего отношение к жреческим занятиям и потребностям правящего класса.

2. Простое население продолжало жить в населенных пунктах центральной зоны, занимая ... ритуальные постройки или ближайšie к ним участки ... Исходя из этого, можно прийти только к одному выводу: в результате социального конфликта произошло исчезновение правящей верхушки майя или же она была заменена иноземными правителями. После чего жители селений заняли церемониальные центры и обитали в них до тех пор, пока наступающая сельва не заставила их покинуть эти места. Затем они обосновались в рассеянных поселках с замкнутой системой хозяйства и общинным типом организации»²⁷.

Итак, согласно логике сторонников этой гипотезы, социальный взрыв явился причиной гибели цивилизации потому, что в результате была отстранена от власти (а скорее всего, уничтожена) правящая элита, прежде всего жрецы — единственные, кто, обладая монополией на знание, был способен управлять сложнейшей цивилизационной системой.

Главным косвенным доказательством в пользу «гипотезы социального взрыва» для Э. Томпсона и его единомышленников послужил тот факт, что при раскопках ряда крупных центров «классических» майя (Тикаль, Пьедрас Неграс, Йашчилан, Алтар де Сакрифисьос) археологи обнаружили, что почти все найденные там каменные скульптуры, изображающие правителей и богов, либо разбиты, либо намеренно повреждены. Это якобы явилось зримым проявлением силы народного гнева, который обрушился на все, связанное

с эпохой господства жрецов. Однако этот довод оказался несостоятельным. «Выяснилось, что в Тикале и других городах майя классического периода стелы и алтари с изображениями правителей и богов подвергались порче и разрушению не только в конце I тысячелетия н. э. (как считал Э. Томпсон), а на протяжении всей многовековой истории местной цивилизации. Это был какой-то важный ритуал или обряд: по прошествии определенного цикла времени монумент портили или разбивали на части, совершая тем самым его ритуальное «убийство». Но и после данного акта он продолжал оставаться объектом ревностного почитания со стороны майя: ему приносили жертвы и дары, возжигали благовония».²⁸

Естественный в рамках логики этой гипотезы вывод о том, что восставший народ после свержения ненавистного господства правящей элиты разошелся по своим деревням, а частично продолжал жить в разгромленных церемониальных центрах, тоже не выдерживает серьезной критики: дело в том, что весь пространственный ареал «классической» цивилизации обезлюдел, в том числе и поселения, окружавшие города²⁹.

Прямых доказательств гипотезы социального взрыва нет, а косвенные оказались неубедительными. Коллапс цивилизационной системы не мог не сопровождаться социальными потрясениями; возможно, что в каких-то из городов майя (но не во всех — ведь их были десятки) крах цивилизации был связан именно с народными восстаниями. Но это — только предположение. И в любом случае: социальный взрыв мог быть только следствием кризиса (и, соответственно, ослабления) цивилизационной системы, но никак не его причиной.

С «гипотезой социального взрыва» внутренне тесно связана гипотеза иноземного нашествия, хотя на первый взгляд они противоположны: в одной выдвигается на первый план внутренний фактор, в другой решающее значение придается внешнему. Сторонники обеих гипотез сходятся во мнении, что фактором, непосредственно обусловившим крушение цивилизационной системы, стала гибель (или устранение) правящей элиты майя. Как было установлено майянистами, можно выделить три крупные волны нашествий на земли майя. Этнокультурная принадлежность представителей двух из них известна: во 2-й половине VII–VIII в. майя подверглись натиску носителей теотиуаканской культуры; в конце X в. их

²⁶ Рус А. Народ майя. М., 1986. С. 229–230; Галич М. История доколумбовых цивилизаций. М., 1990. С. 138–139.

²⁷ Рус А. Указ. соч. С. 230.

²⁸ Гуляев В. И. Указ. соч. С. 162.

²⁹ Гуляев В. И. Указ. соч. С. 154–155; Даймонд Дж. Указ. соч. С. 230–231.

захлестнула волна тольтекского вторжения. Вторая по времени волна чужеземного нашествия (начало IX – середина X в. н.э.) связывается с племенами «пиписьль», этнокультурный облик которых до сих пор исследователям прояснить не удалось. Именно эта волна имеет непосредственное отношение к рассматриваемой теме: теотиуаканское нашествие майя отразили (к концу VII–VIII в. относится большинство рельефов и стел, воздвигнутых по приказам правителей майяских городов-государств в честь одержанных ими побед), когда же пришли тольтекские завоеватели, «здание» классической цивилизации майя уже рухнуло. Выходит, устои этой цивилизации сокрушили таинственные пиписьль.

Аргументация, приводимая в доказательство «гипотезы вторжения», выглядит неубедительной. У В. И. Гуляева получается, что главным ее подтверждением служит появление в ряде майяских центров элементов культуры, чуждых «классической» традиции (прежде всего это определенного вида оранжевая керамика³⁰). При этом признается, что сколько-нибудь масштабных следов нашествия иноземцев («сожженных и рухнувших зданий, сломанного оружия и беспорядочно наваленных друг на друга скелетов с пробитыми черепами») обнаружить не удалось; в Тикале и вообще нет следов такого рода³¹. Как мне представляется, появление нового типа керамики и других «немайяских» элементов культуры может служить бесспорным доказательством культурной экспансии носителей инородных классической культуры майя традиций, но не насильственного завоевания. «Гипотеза вторжения» выглядит еще менее убедительной в свете красноречивого признания Гуляева: «...если на северо-западе майяской территории, например в Сейбале, Алтар де Сакрифисьос и Паленке, последние дни в жизни этих городов действительно совпадают с широким распространением инородного комплекса изящной оранжевой керамики, то дальше к югу, в центре Петена, такая керамика появляется лишь вслед за упадком майяских столиц и представлена она довольно немногочисленными образцами»³². Следовательно, появление инокультурных элементов стало (по-видимому, в большинстве случаев) не причиной, а следствием упадка городов майя.

Неизбежно встает вопрос: почему во 2-й половине VII–VIII в. майя успешно отразили иноземное нашествие, а в IX – первой половине

X в. не смогли этого сделать? Очевидно, что такое могло произойти лишь со значительно ослабевшей цивилизацией. Что же ее ослабило? Так или иначе, служить в качестве единственного (или даже основного) объяснения причин «классического коллапса» «гипотеза иностранного вторжения» не может. Нашествия чуждых и враждебных майя племен сыграли свою роль, но они способствовали падению классической цивилизации майя в ситуации, когда она уже «пошатнулась».

Получается, что ни одна из рассмотренных гипотез не может сама по себе служить единственным или даже основным объяснением загадки гибели классической цивилизации майя. Основная часть майянистов склоняется к версии, согласно которой ее крушение следует объяснять совокупным действием ряда различных факторов, в числе которых называются резкое усиление давления на экосистему в условиях бурного роста населения, засухи, социальные потрясения, иноземные нашествия.³³ Но и это объяснение не отменяет вопроса: какая внутренняя причина, заложенная в самом характере цивилизационного строя, обусловила возможность действия всех перечисленных разрушительных факторов, и каждого из них по отдельности?

Сформулировать свой вариант ответа на этот вопрос мне помогли выводы Г. Г. Ершовой: «Общественная организация майя классической периода формально продолжала сохранять родо-фратриальную структуру. И потому акрополи и городские ансамбли носили “генетический” характер, то есть были связаны только с конкретными представителями того или иного рода. Именно это обстоятельство становилось причиной периодического запустения отдельных акрополей. Здесь же кроется и объяснение “таинственного оставления” центров майя...».³⁴ Решающую роль, по мнению Ершовой, сыграли иноземные вторжения; «тактический расчет захватчиков строился на уничтожении правящей элиты майя, связанной кровным родством с захороненными в пределах акрополей родовыми предками. Без такой связи между живыми и мертвыми город утрачивал значение символа власти. Вместе с тем никакой чужак не мог претендовать на власть в городе, восходя на пирамиду, в которой находилось погребение не его предка. Города

³⁰ Гуляев В. И. Указ. соч. С. 168–172.

³¹ Там же. С. 160.

³² Там же. С. 171.

³³ См., например: Ламберг-Карловски К., Саблов Дж. Указ. соч. С. 252–253; Гуляев В. И. Указ. соч. С. 171; Галич М. Указ. соч. С. 138–139; Галленкамп Ч. Указ. соч. С. 132–136; Даймонд Дж. Указ. соч. С. 209, 232–234.

³⁴ Ершова Г. Г. Древняя Америка: полет во времени и пространстве. Мезоамерика. М., 2002. С. 112.

мая превратились в величественные памятники мертвым»³⁵.

Выжить в ситуации, когда выбита его социальная и политическая элита, общество может, лишь выдвинув из своей среды новую элиту, способную возглавить сопротивление. И если прежняя элита являлась хранителем и воплощением традиции, подобное действие неизбежно предполагает необходимость внесения в традицию существенных коррективов, по крайней мере — обоснование возможности замены прежних хранителей традиции новыми. Майя в IX в. оказались неспособны сделать это: их собственная традиция довлела над ними, сковывала их активность. Из текста Ершовой следует, что «классических» майя погубила однозначная ориентация на их же, родоплеменные в основе, традиционные нормы, их подход к решению проблемы соотношения традиций и новаторства — к одной из ключевых проблем человеческого существования, определяющих отличительные черты любой цивилизации. Подход, основанный на доминировании традиции и жестком блокировании любых попыток внести в нее изменения.

Хотелось бы особо подчеркнуть: чтобы найти выход из критической ситуации, не обязательно было отказываться от традиции — необходимо было лишь дать ей творческую интерпретацию. Но для этого нужна была определенная свобода в трактовке традиционных норм сознания и поведения, что было, видимо, не характерно для майя классической эпохи.

Роковую роль сыграла монополия на знание, которой обладало жречество: с его ликвидацией был утерян и основной объем знаний. Иероглифическая письменность была доступна лишь узкому кругу посвященных³⁶, отнюдь не собиравшихся с кем-либо делиться знаниями: последние явно рассматривались как гарантия и орудие осуществления власти. В результате это величайшее из достижений классической цивилизации превратилось в препятствие на пути распространения знаний, накопленных майяскими мудрецами. Тотальная жесткая регламентация всех сторон жизни привела к социокультурному окостенению: система потеряла гибкость, несмотря на всю свою сложность. Ее следует оценить не только как высоко организованную, но как заорганизованную. Заорганизованность, социокультурная окостенелость и является внутренней характеристикой, которая «запустила» механизм

разрушения, результаты действия которого мы видим в IX в. В этом плане ответ на поставленный в названии статьи вопрос таков: крушение классической цивилизации майя было закономерным. Но значит ли это, что найдено решение загадки? Нет, конечно: многое остается неясным, мы слишком мало знаем о фактической стороне событий. Письменные источники по-прежнему молчат...

И, наконец, последний вопрос: означало ли крушение классической майяской цивилизации исчезновение майя как особой культуры? Сформулирую свою позицию.

Читая работы по истории майя, я обратил внимание на одно противоречие: в названиях этих работ (или отдельных глав) применительно к цивилизации майя часто повторяются термины «погибшая», «исчезнувшая». Их смысл однозначен: цивилизация майя больше не является реальностью истории. Для ряда исследователей содержание понятия «цивилизация майя» исчерпывается классическим периодом. В то же время повсюду встречаются оговорки относительно того, что крах цивилизации классического периода — еще не конец истории майя. Так, Ч. Галленкамп пишет, что в этой истории «наступает лишь важный поворотный пункт, начало новой эры — перемещение центра культурного развития с юга на север»³⁷, на Юкатан. Ему вторят В. И. Гуляев³⁸, Дж. Саблов³⁹ и многие другие. Д. Соди отмечает, что после коллапса «классической» цивилизации в центральных областях территории, населенной майя, на полуострове Юкатан «возникает и развивается на протяжении нескольких столетий смешанная майя-тольтекская цивилизация, где пришлые, центральноамериканские элементы культуры постепенно растворяются в майяской среде, а завоеватели даже забывают вскоре свой язык»⁴⁰. По мнению Г.Г. Ершовой, «в горной Гватемале с наступлением постклассического периода распространяется так называемый “майя-тольтекский стиль”. Очевидно, что проникшие наукультурные группы были, как и на Юкатане, ассимилированы местным населением»⁴¹.

Про последствия испанской конкисты такового уже не скажешь: степень разрушения майяской культуры здесь была несравненно выше. Возник-

³⁷ Галленкамп Ч. Указ. соч. С. 137.

³⁸ Гуляев В. И. Древние майя. Загадки погибшей цивилизации. М., 1982. С. 173.

³⁹ Ламберг-Карловски К, Саблов Дж. Древние цивилизации. Ближний Восток и Мезоамерика. М., 1992. С. 253.

⁴⁰ Соди Д. Великие культуры Месоамерики. М., 1985.

⁴¹ Ершова Г. Г. Древняя Америка: полет во времени и пространстве. Мезоамерика. С. 113.

³⁵ Ершова Г. Г. Древняя Америка: полет во времени и пространстве. С. 112

³⁶ Кнорозов Ю. В. Система письма древних майя (опыт расшифровки). М., 1955. С. 8.

ла прямая угроза самим ее основам. Ее осознавали майяские мудрецы. «11 Ахау называется катун, в котором люди майя перестали называться майя. Они теперь зовутся “христиане”, подданные Святого Петра из Рима и его величества короля», — так в книге «Чилам-Балам из Чумайеля» оцениваются последствия конквисты⁴². И тем не менее майя выжили и после испанского завоевания. И они не перестали называть себя «людьми майя», несмотря на процесс насильственной христианизации (да и сам этот процесс имел отнюдь не однозначные последствия). По словам Дж. Даймонда, «культура древних майя отчасти уцелела в катастрофе» и «сегодня еще живы потомки народа майя, проживающие на своей древней родине и разговаривающие на языке майя»⁴³.

Подобные суждения можно подтвердить многочисленными свидетельствами, в том числе и современных майя. То, что народ (и культура) майя сохранились как вполне осязаемая историческая реальность и в течение колониального периода, и в последующие эпохи вплоть до настоящего времени — очевидный факт. Правомерно ли в таком случае говорить об «исчезновении» (как Ч. Галленкамп) или «гибели» (как Дж. Даймонд: глава его книги, посвященная майя, называется «Гибель цивилизации майя») майяской цивилизации? В этой связи я обратил внимание на еще одно обстоятельство: понятия «народ майя», «культура майя» и «цивилизация майя» то отождествляются, то различаются. Так может быть, сохранились народ и (в той или иной мере) культура майя, а цивилизация, которую этот народ создал и в которой воплотились высшие его достижения, исчезла с исторической арены? И после IX в. майя деградировали по сравнению с «классической» эпохой, а процесс деградации получил бурное развитие в колониальный период? Многие так и ставят вопрос⁴⁴.

Наверное, это правомерно, если принять точку зрения С. Морли⁴⁵. По его мнению, о существовании культуры майя можно говорить лишь при наличии следующих определяющих признаков: иероглифическая письменность; самая сложная в доколумбовой Америке «хронологическая система» (знаменитый «Длинный счет»); каменная архитектура с использованием «ложного свода», известного как «майяская арка»; керамика,

получившая условное наименование «цаколь», типичная для эпохи расцвета цивилизации классического периода (300–600)⁴⁶. Однако встает вопрос: правомерно ли считать эти признаки обязательными для цивилизации как таковой или речь должна идти о конкретных признаках, характеризующих определенный этап ее эволюции?

Тот или иной ответ на него зависит от того, как трактуется понятие «цивилизация». Я согласен с определением, согласно которому цивилизация в основе своей — не что иное, как выработанный той или иной общностью, типичный именно для нее подход к решению ключевых проблем человеческого существования (соотношения между мирским и сакральным измерениями жизни людей, человеком и природой, индивидуумом и обществом, ориентацией на традиции, тенденцией сохранить сложившийся в течение веков и тысячелетий строй жизни по возможности без изменений и стремлением к нововведениям). Подход, воплощенный в определенной системе ценностей (цивилизационной матрице) и закреплённый системой социальных институтов, призванных обеспечить воплощение этих ценностей в жизнь⁴⁷. Если принять данное определение, то утверждать, что та или иная цивилизация погибла, можно лишь при условии разрушения ее ценностной матрицы. Можно ли говорить об этом в случае с майя?

Имеется более чем достаточно красноречивых свидетельств, позволяющих отрицательно ответить на этот вопрос. Да, мир майя подвергся в ходе конквисты страшному разрушению. Цивилизация была стерта до матрицы: было разрушено многое из созданного на этой ценностной основе; в огне конквисты погибла основная часть сохранившихся после коллапса классического периода интеллектуальных и эстетических достижений майя. Однако сама матрица сохранилась; сохранились основные ценностные ориентации, определявшие отношение к миру и поведение людей во всех сферах жизни.

Обобщая выводы М. У. Руса на эту тему⁴⁸, констатируем наличие следующих ключевых факторов, способствовавших сохранению майяской цивилизации: 1) сохранение собственных языков семьи майя, в которых воплотились особенности

⁴² El Libro de los Libros de Chilam Balam. Fondo de Cultura económica. México, 1948, p. 70.

⁴³ Даймонд Дж. Указ. соч. С. 208.

⁴⁴ Галленкамп Ч. Указ. соч. С. 137; Гуляев В. И. Древние майя. Загадки погибшей цивилизации. С. 175.

⁴⁵ См.: Barrera Vásquez A., Rendón S. El Libro de los Libros de Chilam Balam. Fondo de Cultura económica. México, 1991, p. 25.

⁴⁶ Галич М. История доколумбовых цивилизаций. М., 1996. С. 148.

⁴⁷ См.: Шемякин Я. Г. Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М., 2001. С. 35–37, и другие работы.

⁴⁸ Рус М. У. Народы майя: пятьсот лет сопротивления // Американские индейцы: новые факты и интерпретации Проблемы индеанистики. М., 1996.

их духовного строя, прежде всего подход к решению ключевых проблем-противоречий человеческого существования; 2) сохранение общинного типа социокультурной организации, в котором этот подход закреплен в различных видах социальной практики.

Разумеется, майяская цивилизация трансформировалась. В новых условиях она могла сохранить свою основу лишь при условии выработки новых форм существования в истории, могла выжить, только создав системы взаимодействия с доминировавшими после конкисты традициями (сначала иберокатолической, затем также и западной). Изучение этих систем — отдельная тема. Поэтому ограничусь несколькими примерами, позволяющими проиллюстрировать сформулированную мысль.

Одним из решающих факторов, способствовавших сохранению преемственности основ цивилизационной традиции в условиях испанского колониального режима, стало возникновение такого мощного средства сохранения исторической памяти, как письменность на латинице, созданная для языков различных групп майя католическими монахами (в основном францисканцами и доминиканцами) с целью достижения максимального эффекта в их проповеднической деятельности. «Монахи в определенной мере помогли сохранить около трех десятков языков семьи майя; право индейцев использовать свои родные языки защищали многие священники, даже вопреки королевским распоряжениям, пытавшимся сделать испанский язык единственным средством общения. Монахи научили коренные народы пользоваться латинским алфавитом, вложив в их руки тем самым, вопреки своему желанию, еще одно оружие сопротивления. Благодаря письменности, обрели плоть те традиции, которые прежде принадлежали к сфере устного народного творчества, и те знания, которые, будучи записанными иероглифами, непонятными для непосвященных, находились в исключительном ведении правящих классов. Так, перейдя из звуков в чернила, возникли книги «Чилам-Балам», «Песнопения из Цитбальче», «Ритуал Бакабов», «Пополь-Вух», «Мемориал из Солоты, или Анналы какчикелей», «Родословная владык Тотоникапана», «Титулы Дома Ишкин Нехаиб», «Рабиналь Ачи» и другие памятники доиспанской и колониальной литературы и истории»⁴⁹.

Среди этих памятников особое значение имеют «Чилам-Балам» («Книги пророка Ягуара») — уникальный во многих отношениях пример созна-

тельного соединения двух различных традиций: майяской и иберокатолической. Подобное соединение потребовало огромных духовных усилий (в том числе и внутренней перестройки традиционного сознания) со стороны автора (или авторов) этого произведения, поставившего перед собой цель использовать европейские культурные формы как средство сохранения основных элементов культуры майя. Как подчеркивали переводчики и публикаторы данных текстов А. Баррера Васкес и С. Рендон, они подверглись редактированию после испанской конкисты, в связи с чем обрели европейскую материальную форму существования: их содержание изложено посредством письменности на латинице, которая была создана испанскими монахами, приспособившими латинский шрифт к фонологии (особенностям звукового строя) языка юкатанских майя⁵⁰. Используемая при создании книг бумага (во всех сохранившихся копиях) также европейская, сброшюрованная в форме тетрадей. Содержание данного памятника крайне разнородно. Вот какие его составляющие выделяют Баррера Васкес и Рендон:

«1) Тексты религиозного характера: а) чисто индейские; б) христианские, переведенные на язык майя.

2) Тексты исторического характера — от хроник, основывавшихся на майяской хронологии, созданной на базе системы «короткого счета» (цикл из 13 катунов), до заметок об очень частных событиях, не имевших какого-либо общего значения.

3) Медицинские тексты, как чисто автохтонные, так и испытавшие европейское влияние.

4) Хронологические и астрологические тексты: а) таблицы серий катунов, сопоставляемые с их эквивалентами в христианском календаре; б) объяснения, касающиеся индейского календаря; в) календари, в которых имелось (или не имелось) сопоставление с ритуальным календарем (цолькин) майя.

5) Сведения по астрономии, соответствовавшие идеям, господствовавшим в Европе в XV веке.

6) Ритуалы.

7) Литературные тексты: испанские повести и т. д.

8) Совокупность текстов, которые не удалось классифицировать»⁵¹.

⁵⁰ El Libro de los Libros de Chilam Balam. Traducción de sus textos paralelos por Alfredo Barrera Vásquez y Silvia Rendón, basado en el estudio, cotejo y reconstrucción hechos por el primero, con introducciones y notas // Fondo de cultura económica. México, 1948. P. 13.

⁵¹ Ibidem.

⁴⁹ Рус М. Указ. соч. С. 84–85.

А. Баррера Васкес и С. Рендон особо подчеркивают: «Бесспорно, большая часть чисто автохтонных религиозных и исторических текстов воспроизводят содержание старинных иероглифических книг...»⁵².

В процессе создания письменности на латинице была проделана большая работа по формированию словарей языков семьи майя⁵³.

Когда говорят о произведениях, созданных майя — наследниками цивилизации классического периода, как правило, внимание сосредоточивается на таких знаковых текстах, как уже упоминавшиеся «Чилам-Балам», «Пополь-Вух», «Анналы как-чикелей» и «Рабиналь-ачи». Чаще всего в качестве наиболее значимых с полным на то основанием рассматриваются «Чилам-Балам» и «Пополь-Вух». Все эти тексты, содержащие в себе (по общему признанию) восходящий к доиспанским временам (в том числе частично и к классическому периоду) древний культурный субстрат, — наиболее яркое проявление сохранения преемственности майяской цивилизационной традиции в сложившихся после конкисты условиях.

В работах последних лет, в частности в статье Нестора И. Кироа⁵⁴, выявлено, что некоторые основные цивилизационные черты майя ярко проявляются еще в одном круге источников колониального периода — документах, устанавливающих право землевладения (*Titulos*). Это — составленные образованными (т. е. овладевшими в той или иной степени некоторыми основополагающими достижениями иберокатолической традиции: языком, знанием основ католической веры и испанского колониального законодательства) майя тексты. Их авторы, апеллируя как к своду законов Испанской империи, так и к истории собственных родов (как реальной, так и мифологической), обосновывали право собственности тех или иных групп майя на традиционно занимаемые ими земли. *Titulos* представляют «официальную» (т. е. изложенную лидерами тех или иных индейских общин) версию истории соответствующих автохтонных общностей, непосредственно опирающуюся на доколониальную устную традицию и несущую в себе заметные следы влияния «Пополь-Вух» — базового текста майяской традиции⁵⁵.

⁵² El Libro de los Libros de Chilam Balam... P. 13

⁵³ Sarah E. Jackson. Continuity and Change in Early Colonial Maya Community Governance: A Lexical Perspective // Ethnohistory. Volume 58, N 4. Fall 2011. The Journal of the American Society for Ethnohistory. P. 683–726.

⁵⁴ Néstor I. Quiroa. Revisiting the Highland Guatemala Títulos: How the Maya — K'iche' Lived and Outlived the Colonial Experience // Ethnohistory. Volume 58, N 2. Spring 2011. P. 253–321.

⁵⁵ Ibidem, p. 293.

По мнению Кироа, содержательный анализ этого вида документов до сих пор почти не проводился. Между тем они могут быть рассмотрены как важнейший этноисторический источник. Представленный исследователем тщательный анализ двух таких документов, составленных представителями двух групп майя из городов Тотоникапан и Кетцальтенанго, теснейшим образом связанных этнически, лингвистически, географически и исторически, убедительно подтверждает его точку зрения⁵⁶.

Давая общую оценку *Titulos*, Кироа подчеркивает, что они могут служить прекрасной иллюстрацией тезиса, согласно которому культура майя-киче не была полностью разрушена и подавлена испанским колониальным строем, но, напротив, выработала множество вариантов «ответа» на «вызов» конкисты; «ответа», который предполагал создание новых форм самоидентификации в новых условиях, интерпретацию новых реалий (и, соответственно, неизбежное включение иберокатолических элементов), использование европейских форм (письменность на латинице, апелляция к тем пунктам колониального законодательства, которые предполагали, по меньшей мере официально, политику «покровительства» со стороны испанской королевской администрации по отношению к индейским общинам и др.) с целью сохранения базовых компонентов собственной цивилизационной традиции⁵⁷. Изучение *Titulos* позволяет оценить, насколько по-разному разные этнические группы майя-киче переживали опыт жизни в условиях испанского колониального режима. Обязательным условием выживания для потомков древней цивилизации стала выработка различных форм взаимосвязи и взаимодействия с господствующей европейской культурой. Кироа перечисляет в этой связи «частичную ассимиляцию, гибридизацию, сопротивление европейской культуре и религии или выборочное принятие отдельных их элементов»⁵⁸.

Основной итог работы таков: крах классического варианта цивилизации майя не означал гибели этой цивилизации как таковой. Майяская цивилизационная традиция, существенно трансформировавшись, сохранилась и в постклассический период, и в эпоху испанского колониального господства, и в последующие эпохи. Это оказалось возможно потому, что носители этой традиции сумели преодолеть социокультурную окостене-

⁵⁶ Ibidem, p. 305–306.

⁵⁷ Ibidem, p. 294 y otr.

⁵⁸ Ibidem, p. 293.

лость — главный фактор, обусловивший «классический коллапс». Сохранив верность основам своего мировоззрения и образа жизни, майя выработали в себе способность воспринимать нововведения и

существовать в рамках сложных систем взаимосвязи с доминировавшими (и доминирующими до сих пор) европейскими традициями (иберокатолической и западной).

Список литературы:

1. Barrera Vásquez A., Rendón S. El Libro de los Libros de Chilam Balam. Fondo de Cultura económica. México, 1991.
2. El Libro de los Libros de Chilam Balam. Traducción de sus textos paralelos por Alfredo Barrera Vásquez y Silvia Rendón, basado en el estudio, cotejo y reconstrucción hechos por el primero, con introducciones y notas // Fondo de cultura económica. México, 1948.
3. Jackson Sarah E. Continuity and Change in Early Colonial Maya Community Governance: A Lexical Perspective // Ethnohistory. Volume 58, N 4. Fall 2011. The Journal of the American Society for Ethnohistory. P. 683-726.
4. Quiroa Néstor I. Revisiting the Highland Guatemala Títulos: How the Maya – K'iche' Lived and Outlived the Colonial Experience // Ethnohistory. Volume 58, N 2. Spring 2011. P. 253-321.
5. Вавилов Н. И. Великие земледельческие культуры доколумбовой Америки и их взаимоотношения // Известия Государственного географического общества. Т. 71. Вып. 10. М., 1939. С. 1496–1497.
6. Галич М. История доколумбовых цивилизаций. М., 1996.
7. Галленкамп Ч. Майя. Загадки исчезнувшей цивилизации. М., 1966.
8. Гуляев В. И. Древние майя. Загадки погибшей цивилизации. М.: «Знание», 1982.
9. Даймонд Д. Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие умирают. М., 2010.
10. Ершова Г. Г. Древняя Америка: полет во времени и пространстве. Мезоамерика. М., 2002.
11. Кнорозов Ю. В. Система письма древних майя (опыт расшифровки). М., 1955.
12. Кнорозов Ю. В. Иероглифические рукописи майя. Л., 1975.
13. Ламберг-Карловски К., Саблов Дж. Древние цивилизации. Ближний Восток и Мезоамерика. М., 1992.
14. Ланда Д. де. Сообщение о делах в Юкатане. 1566 г. М.; Л., 1955.
15. Рус А. Народ майя. М., 1986.
16. Рус М. У. Народы майя: пятьсот лет сопротивления // Американские индейцы: новые факты и интерпретации Проблемы индеанистики. М., 1996.
17. Соди Д. Великие культуры Месоамерики. М., 1985.
18. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее: В 2 т. Т. I: Теория и история цивилизаций. М., 2006.
19. Шемякин Я.Г. Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М., 2001. С. 35–37.

References (transliteration):

1. Barrera Vásquez A., Rendón S. El Libro de los Libros de Chilam Balam. Fondo de Cultura económica. México, 1991.
2. El Libro de los Libros de Chilam Balam. Traducción de sus textos paralelos por Alfredo Barrera Vásquez y Silvia Rendón, basado en el estudio, cotejo y reconstrucción hechos por el primero, con introducciones y notas // Fondo de cultura económica. México, 1948.
3. Jackson Sarah E. Continuity and Change in Early Colonial Maya Community Governance: A Lexical Perspective // Ethnohistory. Volume 58, N 4. Fall 2011. The Journal of the American Society for Ethnohistory. P. 683-726.
4. Quiroa Néstor I. Revisiting the Highland Guatemala Títulos: How the Maya – K'iche' Lived and Outlived the Colonial Experience // Ethnohistory. Volume 58, N 2. Spring 2011. P. 253-321.
5. Vavilov N.I. Velikie zemledel'cheskie kul'tury dokolumbovoy Ameriki i ikh vzaimootnosheniya // Izvestiya Gosudarstvennogo geograficheskogo obshchestva. 1939. T. 71. Vyp. 10. S. 1496-1497.
6. Galich M. Istoriya dokolumbovykh tsivilizatsiy. M., 1996.
7. Gallenkamp Ch. Mayya. Zagadki ischeznuvshey tsivilizatsii. M., 1966.
8. Gulyaev V.I. Drevnie mayya. Zagadki pogibshey tsivilizatsii. M.: «Znanie», 1982.
9. Daymond D. Kollaps. Pochemu odni obshchestva vyzhivayut, a drugie umirayut. M., 2010.
10. Ershova G.G. Drevnyaya Amerika: polet vo vremeni i prostranstve. Mezoamerika. M., 2002.

11. Knorozov Yu. V. Sistema pis'ma drevnix maya (opyt rasshifrovki). M., 1955.
12. Knorozov Yu.V. Ieroglificheskie rukopisi maya. L.: «Nauka», 1975.
13. Lamberg-Karlovski K., Sablov Dzh.. Drevnie tsivilizatsii. Blizhniy Vostok i Mezoamerika. M., 1992.
14. Landa Diego de. Soobshchenie o delakh v Yukatane. 1566 g. M.; L., 1955.
15. Rus A. Narod maya. M., 1986.
16. Rus M.U. Narody maya: pyat'sot let soprotivleniya // Amerikanskie indeytsy: novye fakty i interpretatsii Problemy indeanistiki. M., 1996.
17. Sodi D. Velikie kul'tury Mesoameriki. M., 1985.
18. Tsivilizatsii: teoriya, istoriya, dialog, budushchee. V 2 t. T. I: Teoriya i istoriya tsivilizatsiy. M., 2006.
19. Shemyakin Ya.G. Evropa i Latinskaya Amerika: Vzaimodeystvie tsivilizatsiy v kontekste vseмирnoy istorii. M., 2001.